

ВАДИМ ШЕВЧЕНКО

24/0

Вадим Шевченко

24/0

«Автор»

2026

Шевченко В. А.

24/0 / В. А. Шевченко — «Автор», 2026

Земля, 2063 год. Ослепительно яркий, неоновый мир, в котором больше нет ночей. Двадцать лет назад ради победы над глобальным ресурсным кризисом государство ввело Закон о Непрерывности. Сон объявлен биологическим дефектом и государственной изменой. Города залиты вечным электрическим светом, а подкожные чипы «Явь-6» бьют током каждого, чьи глаза закрываются дольше, чем на одиннадцать секунд. Человечество превратилось в идеальный, вечно бодрствующий улей, где средняя продолжительность жизни редко превышает тридцать пять лет. «24/0» — это мрачная, кинематографичная антиутопия о цене эффективности, силе человеческого подсознания и о том, что тридцать процентов жизни, которые у нас украли, и делали нас людьми.

© Шевченко В. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Дефект	7
Глава 2	9
Сонпод дождем	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Вадим Шевченко

24/0

Пролог

Из официальной брошюры Федеральной службы эффективного труда (Издание 12-е, стереотипное, дополненное): «Сон — это тяжелейший биологический дефект, унаследованный нами от диких предков. Ежесуточная добровольная смерть, безвозвратно крадущая у общества треть активной человеческой жизни. Гражданин спящий — это латентный паразит, обкрадывающий собственное государство и забирающий невозполнимые ресурсы у будущего. Человек бодрствующий — это нерушимый монолит великой державы».

Великая Реструктуризация началась не со взрывов на площадях, не с грохота гусениц по асфальту столичных проспектов и не с объявления чрезвычайного положения. Она началась тихо, буднично и страшно — со строгой математической отчетности в министерских кабинетах.

В 2041 году государственная научно-производственная корпорация «БиоТех-Система» триумфально отчиталась об успешном завершении испытаний препарата «Явь-1». Это был первый в истории стабильный, нетоксичный блокатор мелатонина и аденозина. Изначально химическая формула разрабатывалась исключительно для закрытых нужд: для полярных гарнизонов, несущих вахту в условиях бесконечной полярной ночи, и спасателей, разбирающих завалы сутками напролет. Но плановая экономика, задыхающаяся в тисках затяжного глобального ресурсного кризиса 2038 года, быстро пересчитала хрупкие человеческие жизни в чистую, звенящую прибыль.

Государственные аналитики выкатили сухие цифры: гражданин, которому больше не требуется отдых, экономит бюджету астрономические суммы. Ему больше не нужны гигантские спальные районы — достаточно лишь уплотненных рабочих общежитий со стоячими ячеекками. Ему не нужны ночные надбавки к зарплате, пассажирские поезда со спальными местами, мебельные фабрики, производящие кровати, загородные санатории и отели. Человек превращался в идеальный, вечно работающий механизм.

Через десять лет применение обновленного препарата «Явь-5» стало обязательным на законодательном уровне. Страна в один миг превратилась в колоссальный, гудящий, никогда не засыпающий бетонный улей.

Города изменились до неузнаваемости. С улиц навсегда, под корень, срезали привычные фонари — их демонтировали за ненадобностью в сорок пятом году во время Великого Отключения Ночи. Вместо них фасады панельных многоэтажек, стены производственных цехов и правительственных зданий наглухо облицевали светодиодными панелями колоссальной мощности. Они заливали проспекты и переулки ослепительным, мертвенно-белым, хирургическим светом двадцать четыре часа в сутки, триста шестьдесят пять дней в году. Исчезли сами понятия «ночь», «утро» и «вечер». Из прогнозов погоды вычеркнули закаты и рассветы. Время превратилось в сухую, непрерывную цифровую ленту, разделенную Комитетом Бодрствования лишь на трехчасовые производственные циклы.

Первые годы мир пребывал в сытой, безумной эйфории. Выработка заводов увеличилась втрое. Научные институты выдавали сложнейшие открытия каждую неделю, ведь ученые теперь думали круглые сутки, не прерываясь на отдых. Люди радовались, что у них наконец-то появилось «время для жизни», свободное от обязательного небытия. Они лишь слишком поздно поняли, что государство просто заберет эти освободившиеся часы себе, подняв нормы выработки до физического предела.

А затем пришла настоящая Биологическая Цена.

Эволюция миллионы лет использовала сон как фильтр, очищающий мозг от ментального мусора и архивирующий память. Без этой паузы человеческий разум оказался заперт в камере одиночке с собственным прошлым. После реформы пятьдесят третьего года мир накрыл Синдром Переполненной Памяти. Память людей переполнялась до краев. Человеческий мозг начал сходить с ума на клеточном уровне, помня каждый ценник в магазине, каждую глупую вывеску, увиденную пять лет назад, и каждое серое, изможденное лицо в толпе метро. Психика ломалась, выплескивая «дневные кошмары» наружу прямо посреди рабочего дня.

Тогда в систему контроля ввели обязательные подкожные биочипы «Явь-6». Если человеческий разум ломался и мозг пытался насильно «выключить» изможденное тело, уходя в альфа-ритм, датчики на запястье фиксировали падение пульса. Человек моментально получал разряд тока прямо в лучевую артерию. Если это не помогало, гражданина отправляли на «списание» как элемент с критическим ментальным износом. Средняя продолжительность жизни упала до тридцати пяти лет — сердца и сосуды просто сгорали от непрерывного химического бега. Но система сочла это приемлемой платой за абсолютную эффективность.

Но самым страшным оказался контроль над разумом. Избавившись от сна и сновидений, люди постепенно разучились сострадать, любить, сомневаться и бунтовать. Во сне человек был свободен, его подсознание генерировало неподконтрольные системе мысли. Запрет сна уничтожил индивидуальность. Психика, лишённая сновидений, очерствела, превратив общество в идеальных, исполнительных, но абсолютно пустых внутри биороботов. Сон был приравнен к высшей государственной измене, акту терроризма и позорной девиации.

Мир застыл в вечном, ослепительно ярком, неоновом полдне.

Люди разучились закрывать глаза. Они разучились видеть сны. Они забыли, что такое темнота.

До того самого дня, пока в производственном секторе «Северный-4» не щелкнул один неисправный чип.

Глава 1

Дефект

Люминесцентные лампы в производственном секторе «Северный-4» не имели выключателей. Их наглухо вмонтировали в бетонные потолки еще в сорок пятом, во время Великого Отключения Ночи, когда единую энергосеть страны навсегда перевели на тариф «Непрерывный». Кирилл знал это, потому что сам проверял узлы распределения каждые сорок восемь часов. Или семьдесят два? Без темноты отрезки времени переставали быть ориентирами, превратившись в монотонную, бесконечную цифровую ленту на экране терминала. Вся жизнь в секторе текла внутри ослепительно яркого, стерильного полдня, из которого волей государства навсегда вычеркнули законную долю покоя.

На его левом запястье, прямо над лучевой артерией, тускло мерцал зеленый светодиод капсулы «Явь-6». Государственный имплант работал исправно: каждые сорок минут Кирилл чувствовал легкое, покалывающее тепло в вене — очередная порция синтетического стимулятора уходила в кровь, блокируя выработку мелатонина и заставляя изношенные синапсы бодрствовать.

Вокруг него, за идентичными столами из дешевого серого пластика, сидели еще тридцать человек. Стояла оглушительная, сухая тишина, прерываемая лишь частым, пулеметным клацаньем механических клавиатур.

Вдруг мужчина за соседним столом — Кирилл помнил его под табельным номером 841, а в прошлой жизни его звали Николаем — замер. Его пальцы зависли над клавишами. Глаза Николая оставались открытыми, но зрачки бешено заматались из стороны в сторону, словно он следил за невидимым теннисным мячом. На его лбу выступил крупный, блестящий пот.

«Дневной кошмар», — равнодушно подумал Кирилл, не прекращая заполнять таблицу энергозатрат.

Мозг Николая прямо сейчас, в обход заблокированного сна, выплескивал фазу быстрых движений глаз наружу. Психика соседа просто не справлялась с Синдромом Переполненной Памяти — эволюционным тупиком, накрывшим человечество после реформы alpine пятьдесят третьего года. Без сна мозг Николая разучился забывать, и теперь в его сознание лавиной прорывался накопленный годами ментальный мусор: старые рекламные вывески, лица прохожих и, возможно, воспоминания об утерянном доме. Мужчина сильно зажмурился, его челюсти сжались так, что хрустнули зубы. Он отчаянно пытался выровнять пульс. Если биочип зафиксирует падение сердечного ритма ниже критической отметки, в Комитет Бодрствования уйдет сигнал о критическом ментальном износе. Через две минуты Николай глубоко вздохнул, его зрачки сфокусировались на экране, и он снова застучал по клавишам. Справился. Притворился нормальным. Здесь все так умели.

Выждав, пока надсмотрщик в конце прохода повернется спиной, Николай слегка скосил глаза в сторону Кирилла. Его бледные губы зашевелились, рождая едва слышный шепот:

— Слышал, Серегу из третьего сектора сегодня увели прямо во время цикла? Чип сработал трижды за час, а потом приехал патруль.

— Списание? — так же тихо, одними губами спросил Кирилл, продолжая методично вбивать цифры и глядя строго в свой монитор.

— Ну а что еще, — Николай горько и коротко выдохнул, пальцы безумно колотили по клавишам, имитируя бурную деятельность. — Ему тридцать шесть стукнуло на прошлой неделе. Порог Пятьдесят седьмого года. Наш брат после тридцати пяти долго не живет, Кирилл. Сосуды в лоскуты, мозги в кашу от этой химии. Скоро и нас с тобой Комитет в утиль сдаст как

бракованный металл. Пропаганда из каждого утюга орет, что «жить нужно эффективно, а не гнить в темноте», а у самого Сереги сердце просто сгорело.

Кирилл ничего не ответил. Перечить официальной доктрине Комитета было смертельно опасно. Он перевел взгляд на собственный монитор, собираясь вбить следующую строчку данных, и в этот момент на его запястье что-то щелкнуло.

Звук был тихим, металлическим — словно лопнула крошечная пружина внутри старых дедовых часов. Зеленый светодиод «Яви» на руке моргнул. Затем вспыхнул ядовито-красным. И погас.

Кирилл замер, ожидая привычного, спасительного удара током — стандартной процедуры биочипа при сбое дозировки стимулятора. Но удара не последовало. Внутри запястья воцарилась странная, пугающая прохлада. Химический коктейль, удерживающий его сознание на плаву последние четыре года, полностью перестал поступать в кровь.

Сначала ничего не изменилось. Кирилл на чистом автоматизме вбил еще три строчки цифр. Но постепенно, минута за минутой, внутри его черепной коробки началось странное, пугающее движение. Это было похоже на то, как в жаркий полдень на чистое поле набегает густая, тяжелая грозовая туча.

Его веки, которые не смыкались годами, вдруг стали весить по тонне каждое. Глазные яблоки горели, словно в них с размаху насыпали мелкого волжского песка. Картинка на мониторе начала безбожно двоиться, буквы поплыли, превращаясь в черных, ленивых червей.

«Сбой, — промелькнула паническая, еще бодрствующая мысль. — Надо сообщить дежурному. Надо...»

Но его body больше не слушалось. Шея размякла, словно из нее в один миг вынули все позвонки. Голова Кирилла тяжело опустилась на сложенные перед клавиатурой руки.

Он попытался сделать вдох, но воздух вокруг стал густым, как сироп. Звуки офиса — пулеметное клацанье клавиш, гул вентиляции, шорох шагов надсмотрщика — начали стремительно удаляться, превращаясь в эхо на дне глубокого колодца. Люминесцентный свет за закрытыми веками перестал быть белым. Он стал серым, затем темно-синим, и, наконец, мир Кирилла впервые в жизни превратился в абсолютную, бархатную, блаженную черноту.

Он падал. И в этой темноте, навстречу ему, из глубин забытого подсознания медленно поднималось нечто, чего этот мир не видел уже полвека.

Кириллу снился проливной летний дождь в деревне.

Глава 2

Сонпод дождем

Там, внутри черноты, не было цифр. Не было монотонного, сводящего с ума гула вентиляции четвертого сектора. Не было мертвенного, выжигающего сетчатку люминесцентного сияния, которое годами заменяло Кириллу небо.

Мир вокруг него соткался мгновенно, безболезненно и мягко — так, словно подсознание только и ждало этой крошечной секунды, чтобы вернуть удержанный природой долг. Кирилл обнаружил себя стоящим посреди старого, покосившегося крыльца деревянного дома. В воздухе пахло чем-то полузабытым, пронзительно острым и невероятно живым — ароматом свежескошенной, мокрой травы, прелой древесины и речной прохладой. Запах был настолько плотным, что его, казалось, можно было осязать физически.

С серого купола над его головой, который память услужливо назвала «тучами», падала вода. Она не имела ничего общего с техническим душем в распределителе сектора, который выдавали строго по талонам на три минуты, высчитывая каждый литр. Эта вода лилась сплошной, тяжелой, прохладной стеной.

Кирилл сделал шаг вперед, сошел с прогнивших деревянных ступеней и опустил босые ноги прямо в густую, сочную траву. Земля под подошвами оказалась мягкой, податливой и приятно холодной. Капли дождя с размаху падали ему на лицо, затекали за шиворот, облепляли кожу, заставляя мокрую ткань старой футболки липнуть к телу. И с каждой этой каплей из самых темных, заблокированных глубин его существа поднималось нечто, чего он не чувствовал уже бесконечно много лет.

Покой.

Это не было просто кратковременное отсутствие работы или перерыв между трехчасовыми производственными циклами. Это было абсолютное, звенящее освобождение от необходимости соответствовать, успевать, вбивать бесконечные массивы данных и ежесекундно контролировать собственный пульс. Его мозг, годами работавший на пределе химического форсажа, вдруг перестал бежать. Сумасшедший бег синапсов замедлился, мысли стали похожи на лениво опадающие осенние листья. Сердце в груди билось ровно, глубоко и тихо — так, словно оно наконец-то вернулось в свой настоящий, природный ритм.

Кирилл закинул голову вверх, подставив лицо струям воды. Он вспомнил всё. Это было детство. Старая дедовская дача под Вышним Волочком, конец августа. Время, когда мир еще не сошел с ума от ресурсного кризиса, когда ночь не была государственным преступлением, а людям разрешалось выключать свет. Он почувствовал, как к горлу подкатил тяжелый, горячий комок — смесь безграничного, чистого счастья и такой же безграничной, удушающей тоски по потерянному человечеству. Во сне Кирилл заплакал, и его горячие слезы смешались с каплями прохладного летнего дождя.

Вдруг серое небо над его головой треснуло.

Прямо посреди туч проступила уродливая, идеально ровная геометрическая щель. Из нее забил ядовитый, белый, электрический свет люминесцентных ламп. Дождь мгновенно испарился, превратившись в сухой, удушливый пар. Деревянный дом деда начал осыпаться серым пеплом, а мягкая трава под ногами затвердела, на глазах превращаясь в холодный, серый пластик рабочего стола.

Звук грома, раскатившийся над головой, был странным. Это был не гром. Это был глухой, ритмичный, пулеметный стук сотен механических клавиатур.

Кирилл резко дернулся и открыл глаза.

Его левая щека плотно лежала на жестком сером пластике, прямо поверх клавиш. На экране его персонального терминала горела длинная, бесконечная строчка из одной и той же буквы: «kkkk...» — результат того, что его упавшая голова придавила клавишу.

Паника ударила в кровь мгновенно, со свистом, выжигая остатки блаженного деревенского тепла.

Кирилл резко, но стараясь не привлекать внимания, выпрямился, изо всех сил удерживая на лице привычную каменную маску отрешенности. Руки сами, на чистом мышечном автоматизме, потянулись к клавиатуре. Зажать Backspace. Стереть строчку улик. Вернуть на экран таблицу энергозатрат. Быстрее. Еще быстрее, пока буквы не зафиксировал алгоритм.

Камеры. В секторе «Северный-4» под потолком каждые десять метров висели черные глянцевые сферы систем слежения «Око-М». Они реагировали на три вещи: изменение траектории движения, падение головы на стол и неестественную статику тела. Если алгоритм распознает, что сотрудник находился в неподвижном положении с закрытыми глазами дольше одиннадцати секунд — на пульт дежурного патруля Комитета Бодрствования уйдет красный флаг девиации. А за этим следовало немедленное Списание.

Кирилл почувствовал, как по спине между лопаток поползла струйка ледяного пота. Сердце бешено колотилось в ребра, пульс зашкаливал за сто сорок. Он судорожно, стараясь не опускать голову, скосил глаза на свое левое запястье.

Биочип «Явь-6» был мертв. Маленькое окошко индикатора, которое должно было гореть ровным, спасительным зеленым светом, оставалось темным и безжизненным, как осколок бутылочного стекла. Чип не ударил его током. Чип не отправил автоматический отчет в систему. Из-за какого-то невероятного, чудовищного дефекта устройство просто выключилось, позволив Кириллу совершить высшую государственную измену прямо под объективами видеокамер.

Но если чип молчал, то камеры «Око-М» все еще работали.

Кирилл заставил себя дышать медленно и глубоко, силой удерживая плечи от дрожи, которая крупной рябью шла по телу. Он методично, с силой вбивал цифры в таблицу, симулируя предельную концентрацию, хотя буквы перед глазами все еще слегка плыли. Сколько он спал? Минуту? Пять минут? Полчаса? В мире, где уничтожили ночь, определить это было физически невозможно.

— Эй, двадцать третий, — раздался тихий, хриплый шепот слева.

Кирилл вздрогнул внутри, но внешне даже не повернул головы — устав сектора строго запрещал отвлекаться от терминала. Он лишь слегка сместил зрачки.

На него смотрел Николай, сидевший за соседним столом. Тот самый, который еще недавно сам балансировал на грани дневного кошмара. Глаза Николая были красными, с лопнувшими капиллярами, а лицо казалось серой маской. Но в его взгляде сейчас не было привычной автоматической отрешенности. Там был чистый, первобытный, человеческий ужас.

Николай видел всё. Он сидел слишком близко и не мог не заметить, как Кирилл отключился от реальности.

— У тебя чип сдох, — едва шевеля губами, прошептал Николай, продолжая при этом с бешеной, пулеметной скоростью колотить по клавишам своего терминала. — Ты лежал три минуты. Камера над тобой как раз ушла на профилактический разворот в слепую зону. Тебе повезло, сука. Невероятно повезло. Если бы дежурный глянул на монитор... тебя бы прямо здесь списали.

Кирилл сглотнул сухую, горькую слюну. Его пальцы продолжали вбивать данные, но мысли лихорадочно искали выход. Предательство чипа сделало его самым опасным элементом в секторе. До конца смены оставалось еще два производственных цикла — долгих шесть часов. Если он не сможет скрыть поломку, или если Николай решит сдать его ради получения талонов на дополнительное питание или продления собственного срока до Списания...

— Почему ты не вызвал дежурного? — так же тихо, одними губами спросил Кирилл, глядя строго в свой монитор.

Николай на секунду перестал стучать по клавишам. Его изможденное лицо перекосила странная, болезненная и горькая усмешка.

— Потому что ты улыбался, когда отключился, — прошептал сосед. — Я такого выражения лица у живых людей уже лет пятнадцать

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.